

Пролог

В начале лета 1902 года Джон Баррингтон Эшли, житель Коултауна, небольшого шахтерского городка в южном Иллинойсе, предстал перед судом за убийство Бренкенриджа Лансинга, проживавшего в том же городе. Эшли признали виновным и приговорили к смертной казни. Через пять дней после оглашения приговора, 22 июля, в час ночи он бежал из поезда, на котором его под охраной везли к месту казни.

В этом, собственно, и заключалось «Дело Эшли», которое потом привлекло внимание, вызвало негодование и превратилось в объект насмешек на всем Среднем Западе. Никто не сомневался в том, что именно Эшли застрелил Лансинга — умышленно или нет, — однако все посчитали, что процесс был проведен кое-как, что судья выжил из ума, что защита оказалась некомпетентной, а присяжные — предвзятыми. Да и как иначе — это ведь было «Дело из угольного сарая», «Дело из угольного ларя». И когда в дополнение ко всему осужденный убийца сумел сбежать от пятерых охранников, словно растворившись в воздухе, закованный в наручники, в тюремной робе и с наголо обритым черепом, в посмешище превратился весь штат Иллинойс. А через пять лет офис прокурора штата в Спрингфилде объявил о вновь открывшихся обстоятельствах, которые доказывали невиновность Эшли.

Получается, что в небольшом городке на Среднем Западе имела место судебная ошибка в мало значившем деле.

Эшли выстрелил Лансину в затылок во время стрельбищ по мишеням, которые мужчины устраивали каждый воскресный вечер на лужайке за домом жертвы. Даже защита не осмелилась утверждать, что трагедия произошла в результате технического сбоя в механизме ружья. Потом орудие убийства не раз отстреливали в присутствии присяжных, и оно работало идеально. Эшли был известен как отличный стрелок. В роковой момент жертва находилась от него в пяти ярдах спереди и немного слева, поэтому некоторое удивление вызывало то, что пуля пробила череп Лансину с левой стороны, над ухом, однако все сошлись на том, что жертва как раз в ту секунду обернулась на шум, который донесся из-за живой изгороди, опоясывавшей Мемориальный парк, где группа молодых людей устроила пикник. Эшли не переставал заявлять о своей невиновности, несмотря на всю смехотворность таких утверждений. Единственными свидетельницами случившегося были жены обвиняемого и жертвы. Женщины неподалеку в тени деревьев готовили лимонад. Обе поклялись, что выстрел был единственным. Сам процесс чрезмерно затянулся — то болели один за другим члены суда, то отошли в мир иной несколько присяжных, а потом и те, кто их сменил. Репортеры привлекали внимание к тому, что заседания откладывались из-за смеха среди присутствующих, словно демоны противоречия витали в зале суда. С удивительным постоянством слышались оговорки в речах. Ошибались при объявлении имен допрашиваемых свидетелей. У судьи Криттендена сломался молоток. Корреспондент одной сент-луисской газеты назвал все происходящее «Процессом гиен».

Мотив преступления так и не был установлен, и это вызвало всеобщее возмущение. Обвинение представило слишком много возможных мотивов убийства, и ни один из них не показался убедительным, однако весь Коултан был уверен, что знает, почему Эшли застрелил Лансина, а большинство членов суда набиралось из местных жи-

телей. Все знали реальную причину, но ни разу о ней не обмолвились: коултаунцы предпочитали не обсуждать это с чужаками. Эшли застрелил Лансинга, потому что был влюблен в жену своей жертвы, и присяжные приговорили его к смерти решительно и единогласно. Вынесение приговора одна из чикагских газет потом назвала проявлением «позорного равнодушия». Обращаясь к присяжным с речью по поводу этого дела, старый судья Криттенден был особенно значителен. Он вменил им в обязанность — вроде бы даже одобрительно подмигнув при этом — исполнить свой священный долг. И присяжные его исполнили. На взгляд репортеров, которые не были местными жителями, процесс оказался фарсом и уже скоро превратился в скандал, который прокатился по всей долине Миссисипи вплоть до ее верховий. Защита неистовствовала, газеты потешались, губернаторский особняк в Спрингфилде засыпали потоком телеграмм, и только Коултаун хранил молчание. Никто в городе не высказался насчет заслуживавших порицания отношений между Джоном Эшли и Юстейсией Лансинг совсем не из рыцарственных побуждений, чтобы сохранить незапятнанным имя дамы, имелась более серьезная причина. Свидетели не осмеливались озвучить обвинение, потому что ни у кого из них не было ни малейших доказательств порочащей связи, а уверенность в ее наличии появилась благодаря слухам (примерно так же предрассудки формируют самоочевидную правду).

И как раз когда общественное негодование достигло своего пика, Джон Эшли бежал из-под стражи. Это сразу расценили как признание им своей вины, и разговоры о мотивах убийства стали бессмысленными.

Возможно, приговор мог бы оказаться более мягким, если бы в суде Эшли вел себя по-другому, но никто никаких признаков страха у него не заметил, он не делал вид, что испытывает угрызения совести. Во время долгих судебных заседаний обвиняемый внимательно вслушивался

в приводимые доводы, как будто рассчитывал на то, что процесс сможет удовлетворить его умеренное любопытство и ответить, кто же все-таки убил Брекенриджа Лансинга, тем более что для коултаунцев подсудимый оставался человеком со стороны, практически чужаком. Да и как иначе — он переехал в их город из штата Нью-Йорк, и манера говорить у него осталась такой, как говорили в тех местах. Его жена была немкой, и в ее речи сохранился легкий акцент. Он, казалось, был лишен каких-либо амбиций. Почти двадцать лет отработал в управлении шахты за мизерную зарплату, — такую в городе получал какой-нибудь второразрядный священник. Еще одна странность — в его внешности отсутствовали какие-либо приметные черты. Эшли был не темноволос и не светловолос, не высок ростом и не низок, не толст и не худ, не весел и не уныл. Приятный на вид, он принадлежал к такому типу людей, на которых взгляд не задерживается надолго. Чикагский репортер в самом начале процесса не раз называл его «наш неинтересный герой». (Потом он поменял свое мнение — человек, не проявляющий никакого беспокойства и тревоги за собственную жизнь во время процесса, на котором решается его судьба, не может не быть интересным.) Женщины любили Эшли, потому что он любил их и потому что был внимательным их слушателем. Мужчины — за исключением горных мастеров — мало обращали на него внимания, однако его молчаливость вместе с желанием держаться в тени, постоянно вызывала в них стремление произвести на него впечатление.

Брекенридж Лансинг был мужчиной крупным и белокурым. В искреннем дружелюбии он мог запросто сломать руку при рукопожатии. Смех его звучал громоподобно, а в гневе он был страшен. Будучи человеком общительным, он входил во все масонские ложи, братства и общества, которые только имелись в городке, обожал ритуалы. В такие моменты слезы выступали у него на глазах, скупые мужские слезы. Он их не стеснялся, когда в сотый

раз клялся «крепить дружбу с братьями до самой смерти» и «добродетельно жить с Богом в сердце и быть готовым отдать жизнь за свою страну». Ведь такие клятвы и придадут смысл жизни мужчины, черт возьми! У него, конечно, имелись свои маленькие слабости. По вечерам он частенько засиживался в тавернах на Ривер-роуд, да так крепко, что возвращался домой под утро. Такое поведение не соответствовало статусу семейного человека, и миссис Лансинг могла обоснованно возмущаться им, но на людях, когда, например, устраивались пикники добровольной пожарной дружины или на торжествах по случаю окончания школьного года, он окружал жену вниманием, подчеркнуто демонстрировал, как гордится ею. Всем было прекрасно известно, что как управляющий шахтами он абсолютно некомпетентен, редко когда появлялся на рабочем месте раньше одиннадцати часов. Не мог он похвастаться успехами и в воспитании собственных детей — по меньшей мере двоих совершенно точно. Сын Джордж считался буйном и беспутным, а дочь Энн при всем своем очаровании часто срывалась и грубила. К этим мелким недостаткам люди относились с пониманием: такое нередко встречалось в семьях уважаемых горожан, — и все равно Лансинг был человек приятный и компанейский. Какой бы роскошный процесс получился, если бы именно он застрелил Эшли! Какой незабываемый спектакль разыграл бы Лансинг! Весь город смог бы сначала стать свидетелем ужаса, который якобы охватил бы его, а потом раскаяния, и в конце концов его бы оправдали.

Это незначительное происшествие в маленьком городке на юге Иллинойса забыли бы на следующий день, если бы не таинственные обстоятельства, сопутствовавшие исчезновению приговоренного. Он и пальцем не шевельнул для своего освобождения: его просто похитили из-под стражи. Шесть человек, переодетых железнодорожными проводниками, и с лицами, зачерненными женой пробкой, проникли в запертый вагон, перебили висячие фо-

нари, а затем, без единого выстрела и без единого слова нейтрализовав охрану, сняли заключенного с поезда. Выстрелив по разу-другому, охранники не осмелились продолжать пальбу в темноте из опасения попасть в кого-нибудь из своих. Кто были те люди, что рискнули жизнью ради спасения Джона Эшли? Наемники, которым хорошо заплатили? Миссис Эшли несколько раз заявляла представителям прокуратуры штата и полицейским, что она понятия не имеет, кто это был. Все связанное с похищением внушало благоговейный трепет: сила, мастерство, организованность, с какими налет был осуществлен, — но больше всего то, что нападавшие молчали и не применяли оружие. В этом было что-то странное, даже мистическое.

Процесс Джона Эшли, а потом его исчезновение, превратили в посмешище весь штат Иллинойс. До времен Первой мировой войны, когда американцы начали бросать насиженные места и оседать по всей стране, следуя собственным прихотям, каждый мужчина, женщина или ребенок искренне верили, что живут в лучшем городе, в лучшем штате, в лучшей стране мира. Эта уверенность придавала им сил и подкреплялась постоянным умалением достоинств любого соседнего города, штата или страны. Гордость за свои родные места внушалась им с младенчества, а чувство гордости, как и чувство унижения, пережитые в детстве, остаются на всю жизнь. Дети переносили эти чувства на отношение к своей улице. Можно было бы услышать, как они говорили, возвращаясь из школы: «Лучше сдохнуть, чем жить на Оук-стрит!»; «Всемирно известно, что те, кто живет на Элм-стрит, — настоящие психи. Это точно!» Главный прокурор штата Иллинойс полковник Стоц был выдающимся гражданином величайшего штата величайшей страны в мире. Величественное здание местного Капитолия, носившее имя Авраама Линкольна, в котором располагался офис прокурора, являлось зримым символом справедливости, достоинства и порядка. Оскорбление, нанесенное штату делом Эшли во время

последнего срока пребывания Стоца в должности, омрачило зенит его карьеры, земля разверзлась у него под ногами. Ему стало ненавистно само имя Эшли, и поэтому он решил преследовать преступника даже в самых отдаленных уголках земли.

В понедельник, на следующее утро после смерти Лансинга, детей Эшли забрали из школы, к величайшему неудовольствию их одноклассников, и только София по-прежнему свободно перемещалась по городу. Отправившись вместо матери за покупками, она получила плевок в лицо от Эллы Гейтс, встретившись с ней на ступеньках почты. Эшли запретил дочерям появляться на процессе, но Роджер, которому к тому моменту было семнадцать с половиной, день за днем неизменно сидел рядом с матерью в зале суда и тоже огорчал своих городских приятелей полным отсутствием каких-либо признаков страха и беспокойства на лице. Позже он заявил: «Мама всегда кремень, когда дела идут особенно плохо». Она садилась в нескольких ярдах от скамьи для подсудимых. Ее страшно огорчало, что из-за постоянной бессонницы лицо у нее осунулось и поблекло, поэтому каждое утро, в половине девятого, она долго и жестко растирала щеки, чтобы вызвать румянец, который свидетельствовал бы о благополучии и непоколебимой уверенности.

Во время процесса обнаружилась еще одна странность, касавшаяся семьи Эшли: никаких родственников ни со стороны Джона, ни со стороны Беаты не появилось в городе, чтобы поддержать их или как-то помочь.

Со временем события превратились в легенду, которую пересказывали раз за разом, все больше и больше перевирая. Говорили, например, что поезд остановили головорезы из Нью-Йорка, которым за это заплатила — по тысяче каждому — любовница Эшли, вдова убитого Лансинга. Или что Эшли с помощью сына Роджера стрельбой проложил себе путь из вагона сквозь охрану из одиннадцати человек. Даже после того, как прокуратура шта-

та реабилитировала Джона Эшли, находились такие, кто, многозначительно прикрыв глаза, изрекала: «Нам никогда не узнать, что кроется за всем этим делом». Потом дети Эшли и Лансингов один за другим уехали из города, вслед за ними сначала миссис Эшли, а потом и миссис Лансинг, тоже покинули город: переехали на Тихоокеанское побережье, — и создалось впечатление, что время постепенно стирает следы печального события из памяти людской, как это уже бывало не раз. Но нет!

Прошло лет девять, и о деле Эшли заговорили снова. Журналисты, обычные горожане, даже ученые кинулись в залы периодики в библиотеках, чтобы порыться в пожелтевших подшивках старых газет. Людей все больше и больше стали интересовать дети Эшли. Они многого добились в жизни, каждый на своем поприще. Дети Эшли интересовались все, кроме самих детей Эшли. Они приобрели ту особенную, крикливую известность, которая окружает тех, кто вызывает в людях удивление и восхищение, а кроме того, обожание и ненависть. Их постоянно растущей популярности способствовало то, что они привлекли к себе внимание еще в раннем возрасте, а также потому, что с их именами отчасти ассоциировались пережитая трагедия и бесчестье. По общему мнению, они обладали определенным набором характерных семейных черт, хотя только те, кто помнил их еще детьми на улицах Коултауна: доктор Джиллис, Юстейсия Лансинг и Ольга Дубкова, — знали наверняка, какие именно черты характера они унаследовали от своих родителей, прежде всего от отца. В них полностью отсутствовал дух соперничества с неотъемлемыми для него чувствами зависти и мести, хотя Лили и Роджер были заняты в профессиях, в которых люди ели поедом друг друга. В них не было застенчивости и страха, несмотря на то что Констанс два года провела в тюрьме и шесть раз арестовывалась в четырех разных странах, а чучело Роджера жгли на демонстрациях в его собственной стране и за границей. В Лили и Констанс не было и намека на тщесла-

вие, хотя они считались одними из красивейших женщин своего времени. У всех троих напрочь отсутствовало чувство юмора, хотя с годами они приобрели способность язвить, что можно было принять за остроумие, поэтому их слова частенько повторяли. Те, кто знал их близко, говорили, что они не от мира сего, так что не было ничего удивительного в том, что современники, пребывая в полном недоумении, обвиняли их в душевной черствости, своекорыстии, бессердечности, лицемерии и жажде популярности. Возможно, они вызывали бы еще больший общественный антагонизм, если бы не их совершенно неожиданная наивность, полное отсутствие эгоизма и трогательный провинциализм. У всех детей Эшли были большие торчащие уши («как амбарные двери») и огромные ступни — настоящий подарок небес для карикатуристов всех мастей. Когда Констанс на своих нескончаемых митингах под лозунгами вроде: «Дайте женщинам право голосовать!», или «Спасем брошенных детей!», или «Права замужним женщинам!» — поднималась по ступенькам на трибуну (ее особенно любили в Индии и Японии), над толпой проносился шквал смеха, а она никак не могла понять, что это значит.

Все это подстегнуло интерес к статьям о «Деле Эшли», и попутно у многих стали возникать вопросы — легкомысленные или вполне серьезные — о Джоне и Беате Эшли и их детях, о городке Коултаун, о старой головоломке насчет того, что главное в формировании человека — наследственность или влияние окружающей среды, о способностях и таланте, о предопределенности и воле случая.

Взять хотя бы Джона Эшли — что было в нем такого (как в каком-нибудь герое древнегреческой трагедии), что предопределило его настолько неоднозначную судьбу: незаслуженное наказание, «чудесное» спасение, бегство и славу детей.

Может, было в его предках что-то такое, что позже проявилось в семейной жизни и дало детям Эшли силу ума и духа?

А может, было что-то в самой Кангахильской долине, в той самой географической точке, что и определила духовный климат, в котором формировались такие исключительные мужчины и женщины?

А вдруг существовала какая-то связь между катастрофой, которая настигла оба семейства, и последовавшими событиями? А что, если все это: унижения, несправедливость, страдания и общественный остракизм — было ниспослано свыше?

Нет ничего интереснее, чем проследить, как творческое начало действует во всех и в каждом: разум, подталкиваемый страстями, самоутверждается, создавая нечто или не создавая ничего; разум — этот последний по времени признак жизни — являет себя в государственных мужах и преступниках, в поэтах и банкирах, в мусорщиках и домашних хозяйках, в отцах и матерях, устанавливая определенный порядок вещей или создавая хаос; разум, который концентрирует энергию в группах людей или в целых нациях, поднимает их на невообразимую высоту, а потом, утомившись, отступает, исчезает прочь; это разум порабощает, насилует или, наоборот, воссоздает справедливость и красоту.

Афины времен Афины Паллады до сих пор, как сияющий град на холме, озаряют лучами мудрости мужей, заседающих в собраниях.

Палестина, словно источник в пустыне, в течение тысячелетий давала миру одну гениальную личность за другой. Вскоре на земле не останется ни одного человека, который бы не испытал их влияния.

Будет ли разум все более и более умножаться или иссякать?

Будет ли разум сохранять нейтралитет между истреблением и милосердием?

Возможно ли, что вдруг настанет такой день, когда животное начало в человеке будет одухотворено и возвышено?

Абсурдно сравнивать наших детей из Кангахильской долины с величественными примерами проявления добра и зла, о которых я упомянул выше (уже к середине этого века о них успешно забыли), но —

Они рядом с нами:

Они доступны нашим нескромным взглядам.

Центральная часть Коултауна, вытянутая в длину и узкая, лежит между двумя крутыми склонами. Из-за своей ориентации с севера на юг главная городская улица практически не получает прямого солнечного света. Большинство жителей редко видят рассветы или закаты, а по ночам — только отдельные фрагменты созвездий. На северном конце улицы находится железнодорожная станция, муниципалитет, здание суда, таверна «Иллинойс» и дом Эшли, построенный давным-давно еще Эрли Макгрегором вместе с участком земли, получивший название «Вязы». На южном конце расположен Мемориальный парк с памятником солдату, борцу за независимость, кладбище и поместье Брекенриджа Лансинга «Сент-Китс», получившее свое название по имени одного из карибских островов, на котором родилась Юстейсия Лансинг. Эти два дома — единственные в Коултауне, — можно было бы назвать поместьями из-за прилегающих к ним земель. Единственный их недостаток — при разливе речка Кангахила, протекающая по долине с восточной стороны от главной улицы, подбирается вплотную и к землям «Вязов», и к строениям «Сент-Китса». Из-за того, что центр городка зажат границами узкой долины, дома большинства жителей возведены на ближних холмах или стоят вдоль линии дорог, которые ведут на север и на юг, и поэтому они на первый взгляд кажется очень маленьким. Шахтеры живут своими общинами на склонах Блюбелл-Ридж и Гримбл-Маунтин. У них отдельные лавки, принадлежащие компании, свои школы и церкви. Они редко навещаются в город. В девятнадцатом столетии